

Финько Ольга Сергеевна

ВАРИАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ И ТЕРМИНОЛОГИИ КУБАНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Традиционная культура Кубани формировалась на основе восточно-украинской и южнорусской традиций, что стало одним из условий для появления двойственности на всех уровнях духовной и материальной культуры региона. Статья посвящена изучению примеров территориальной и временной вариативности в структуре и терминологии семейной обрядности Кубани, что может стать важным источником сведений об ее культурно-языковых особенностях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 200-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

При этом на документальной основе может строиться не строго научное, а популяризированное повествование; происходит формирование у обучающихся так называемых нарративных умений – способности строить увлекательное повествование, обеспечивать необходимую степень его конкретизации.

В заключение хотелось бы вспомнить знаменательные слова академика Д. С. Лихачева: «Память – наше богатство» [3, письмо 40, с. 203]. Память о рыцарях и подвижниках русского слова – достояние и сокровище в историко-научном и духовно-образовательном наследии славянских народов. Обращая свой взор к наипрочайшим именам-«звездам» в лингвистическом пантеоне русистики, современные учителя и учащиеся обретают счастливую возможность возвыситься интеллектуально и духовно.

Список литературы

1. Баханьков А. Е., Гайдукевич И. М., Шуба П. П. Толковый словарь русского языка: для сред. шк. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Минск: Нар. асвета, 1985. 335 с.
2. Валевский А. Л. Основания биографики. Киев, 1993. 111 с.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 9. 354 с.
4. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общая ред. Г. А. Дубровской. Изд-е 3-е. М., 1989. 238 с.
5. Мурина Л. А., Литвинко Ф. М., Долбик Е. Е., Конюшкевич М. И., Таяновская И. В. Русский язык: культура устн. и письм. речи: учеб. для 8 кл. общеобразоват. шк. с рус. и белорус. яз. обучения. Минск: Оракул, 2000. 286 с.
6. Мурина Л. А., Литвинко Ф. М., Долбик Е. Е., Конюшкевич М. И., Таяновская И. В. Русский язык: учеб. пособие для 8 кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения. Минск: НИО, 2011. 264 с.
7. Мурина Л. А., Литвинко Ф. М., Долбик Е. Е., Пипченко Н. М., Таяновская И. В. и др. Русский язык: учеб. пособие для 9 кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения. Минск: НИО, 2011. 272 с.
8. Реформатский А. А. Так как же надо говорить? // Рус. яз. в нац. шк. 1962. № 1. С. 23-33.

PERSONALIZATION OF LINGUISTIC KNOWLEDGE – PERSPECTIVE ASPECT IN TEACHING RUSSIAN IN THE BELARUSIAN SCHOOLS

Tayanovskaya Irina Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Belarusian State University
tayanov@tut.by

The article substantiates the cognitive, developmental and educational potential of the involvement of information about prominent linguists in the classes of the Russian language in the Belarusian schools; and reveals two main directions in the actualization of the information about the classics of Russian linguistics and the Belarusian linguists who studied the problems of general and Russian linguistics: content-linguistic and illustrative-textual.

Key words and phrases: information from the history of science; biographical texts; outstanding linguists; communicative role-playing games; development of linguistic world outlook of students.

УДК 81

Филологические науки

Традиционная культура Кубани формировалась на основе восточно-украинской и южнорусской традиций, что стало одним из условий для появления двойственности на всех уровнях духовной и материальной культуры региона. Статья посвящена изучению примеров территориальной и временной вариативности в структуре и терминологии семейной обрядности Кубани, что может стать важным источником сведений об ее культурно-языковых особенностях.

Ключевые слова и фразы: этнолингвистика; вариативность; культура вторичного образования; семейная обрядность; обрядовый текст.

Финько Ольга Сергеевна, к. филол. н.

Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянск-на-Кубани
kucherenko07@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ И ТЕРМИНОЛОГИИ КУБАНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Культурно-языковая специфика семейной обрядности Кубани как территории вторичного заселения» (грант № 14-34-01230).

Кубанская традиционная культура относится к числу культур вторичного (позднего) образования. По мнению исследователей, ставших очевидцами зарождения кубанского казачества, и современных ученых главным

условием для развития специфики местной традиции становится этнический аспект. Отмечая пестроту населения Кубанской области (ныне Краснодарского края, республики Адыгеи, части Карачаево-Черкесии и Ставрополья), Л. Я. Апостолов писал: «Каких только народностей не встречается в этом массовом потоке! Тут можно встретить и меланхоличного полтавца, и смышленного рязанца, и неуклюжего тавричанина, и латыша, и поляка, и грека, и армянина, и других, явившихся сюда с своим языком и привычками» [1, с. 229-230]. Однако в качестве главных этноопределяющих компонентов на Кубани послужили две этнографические группы: восточно-украинская и южнорусская.

Исходя из специфики исторического развития локальной культуры Кубани, необходимо отметить такую ее особенность, как вариативность. Особенно отчетливо вариативность проявляется на начальном этапе освоения земель Кубани, что обусловлено желанием и черноморских, и линейных казаков воссоздать «...в новых условиях привычную среду обитания, воспроизвести прежнюю систему жизнеобеспечения, включая как материальную, так и духовную культуру» [3, с. 27]. Тем не менее, собранные нами этнолингвистические материалы, касающиеся семейной обрядности Кубани, свидетельствуют о том, что вариативность свойственна и более поздней традиции и отмечена на всех уровнях обрядовой культуры: в вербальном, акциональном, персональном, предметном кодах, в обрядовой терминологии. Как правило, следует говорить о территориальной вариативности, т.е. о сосуществовании вариативных форм обряда в разных поселениях или даже в разных районах одного населенного пункта. Так, в станицах Бриньковской, Вознесенской, Ярославской известно свадебное печенье, называемое *лежень*. В материалах этнолингвистического словаря «Свадебный обряд Кубани» предложен контекст, в котором описывается обрядовое значение этой реалии. Согласно сведениям информанта, *лежень* – разновидность каравая: *А лежынь пикуть тильке для молодых. Вин як каравай, ёго линтой пэрэвзують, а на другой дэнь дають молодым йисты* [9, с. 72]. Надо полагать, лежень в кубанской обрядности – наследие южнорусской или донской традиции. В «Словаре русских народных говоров» одно из значений слова *лежень* – «свадебный хлеб, калач, украшенный фигурками из теста и т.п.» [7, с. 334]. В «Большом толковом словаре донского казачества» слово зафиксировано со значением «свадебный хлеб, основа свадебного каравая» [2, с. 260]. В станицах северо-западной части Кубани *лежень* не готовили, здесь известны такие обрядовые печения, как *каравай*, *дывэнь*, *голубцы*, *шишки*.

Рассмотрим пример территориальной вариативности на уровне свадебной лексики. Повсеместно на Кубани одним из символов отказа жениху на сватовстве является тыква. По свидетельству Н. Ф. Сумцова, «тыква встречается в обрядовом употреблении только у малорусов» [8, с. 185], следовательно, этот элемент обряда заимствован из малорусской традиции. Согласно словарю Б. Д. Гринченко, в украинском языке тыква обозначалась словами *гарбуз*, *кабак*, а отказ сватающемуся номинировался словосочетаниями *дати' гарбуза'*, *покуштува'ти гарбуза'*, *взяти гарбуза'* [5, т. I, с. 273], *пиднести' кабака'* [Там же, т. II, с. 202]. В разных кубанских станицах, как правило, привычно либо слово *гарбуз*, либо *кабак*. Так, в станице Старотиторовской отказ жениху на сватовстве называли *бить гарбуза*, например: *Вона ни схотила за ёго замиж. Когда выпроважывають жэниха, бьють хлопцы з йийи компани гарбуза* [9, с. 47]. В станице Черноерковской, напротив, не отмечено ни одного словосочетания, номинирующего отказ сватам, а зафиксированы только единицы с компонентом *кабак*: *потягы' каба'к*, *почыты'ть (прычыты'ть) кабак*, *получи'ть кабак*, *питы' додому с кабаком*. В следующем примере информант поясняет значение фразеологизма *прычыты'ть кабак*: *Пэрвому жэньху отказалась: «Ны пиду и всё!» А цэй пидйхав, за цёго пишла. У одын жэ той жэ вэчир. Оцэ ж кабак и прычытыла невеста: вона ны пишла за ёго замиж, а пишла за цёго* (Стежко М. С., 1923 г.р., ст. Черноерковская).

Вариативность свойственна и кубанским свадебным песням, хотя здесь она более естественна, поскольку является одним из качеств фольклора как культурного феномена. Тем не менее, можно сделать интересные выводы, пронаблюдав кубанские варианты обрядовых песен на фоне исходных украинских текстов. Например, в Славянском районе зафиксирован обычай после брачной ночи угощать гостей медом в знак честности невесты. Обрядовый мед называли *мэд*, *мёд*, *сла'дкэ* и *варэ'на*. В приведенных примерах диалектоносители описывают этот обычай: *Як ужэ невесту отпавылы туда, гуляе бэсэда тут. Крычать: «Мэду!»*. *А ужэ посол пишов туда за шишкою, отнэсуть туда шишку, и ждуть, пока жэных пэрэвэжэ красной лентой, значить матэ ставэ мэд. И всю ничь йишь той мэд, покы й лопнышь* (Слабая Е. Г., 1941 г.р., ст. Черноерковская). *Сладкэ – цэ у двинацать ужэ у мамы просят варэнойи. Мама туди мэд ийм наливае* (Стежко М. С., 1923 г.р.). В ходе обрядового действия исполнялась песня: *Варэнойи горилочки хочим, / Бо сырая тай ны добрая, / На живит ны здорова* (Стежко М. С., 1923 г.р.). Зафиксирован другой вариант песни: *Ой, мама, варенои горилочки хочу, / А постная ны такая, / На жылуток ны здорова* (Панасенко А. И., 1924 г.р., х. Верхний).

Из приведенных примеров видно, что в обряде есть несоответствие. Согласно обрядовому действию, *варэна* – это обрядовый мед, а из содержания песни, исполнявшейся на данном этапе, следует, что *варэна* – это, скорее всего, алкогольный напиток. Все становится на свои места при сопоставлении этого элемента обряда с материнской традицией. Подобное несоответствие в кубанском обряде объясняется тем, что исходный обычай на Кубани был несколько трансформирован. В украинской свадьбе в знак невинности молодой ночью и на второй день свадьбы гостей угощали *варену'хой*, напитком, приготовленным на основе меда, и благодарили невесту за «честность» [6, с. 140-146]. Согласно данным словаря Б. Гринченко, *варенуха* – «водка, сваренная с медом, плодами и пряностями» [5, т. I, с. 126]. В украинской обрядовой песне, кубанский вариант которой приводился выше, *варенуха* характеризовалась сладким вкусом, в отличие от простой горелки: *Варенои горилочки хочу, / А сырой я й сама уточу: / А сырая да не добрая / И на живит не здорова; / Вареная солоденькая / И на живит здоровенькая* [6, с. 140-141]. Следовательно, украинская *варенуха* передавала ту же семантику, что и в кубанской свадьбе мед, называемый в обряде *варэ'на*. По этому примеру мы можем судить и о таких особенностях традиций вторичного образования, как усечение и контаминация исходных элементов обряда.

Вариативные формы, отмеченные в разных поселениях, часто дополняют или уточняют целостную картину кубанской обрядовой практики. Так, на Кубани широко распространен обычай изготавливать свадебное обрядовое деревце *гильца*. По сведениям диалектоносителей, в качестве исходного материала для свадебного деревца использовали ветви. Большинство информантов не заостряют внимания на том, какие деревья можно использовать для изготовления *гильца*, например: *Гильцэ роблють – обэкновэну бэруть дэрэвыну, кучеряву, обчищають ейи до бела. А тоди кистом облипляють ейи. И в пичь садовлять* (Слабая А. М., 1933 г.р., ст. Черноерковская). Информант из станицы Марьянской утверждает, что в качестве основы для *гильца* обязательно срезают ветку плодового дерева, и объясняет это тем, что фруктовое дерево – это символ жизни: *А гильцэ – это, значить, делацца так: вырезацца ветка только с фруктового дерева, шоб обизательно было фруктовое дерево. Фрукты и фруктовое дерево – это жызь, потому шо фрукты мы едим, они нам придають, ну, як сказать, мы питаемса ными. Это жызнено дерево* (ст. Марьянская; материалы фонда кафедры русского языка и методики ее преподавания филиала «КубГУ»; информант неизвестен). Полагаем, в этом населенном пункте сохранился более архаичный элемент обряда, поскольку плодовое дерево издревле является символом плодородия.

В ходе сопоставительного анализа обрядов жизненного цикла в разных населенных пунктах были отмечены варианты, которые, напротив, имеют взаимоисключающий характер. Так, в Славянском районе повсеместно распространен запрет для беременных смотреть на пожар. Если такое случалось, то у новорожденного, как утверждают информанты, будут родимые пятна. Чтобы избежать появления родимых пятен, беременная, увидев пожар, должна прикоснуться к какому-либо предмету и ни в коем случае не прикасаться к своему телу и, как подчеркивает информант из Славянска-на-Кубани, особенно к животу: *Пожар дэ, если испугався чё-нибуть, то старацца за шо-нибуть так оцэ... Ужэ свэкруха мини... Так, канешно, казала, шо: «Если чёго-нибуть испугалась, так старайся за шо-нибуть узаяца, ни за жывит, особенно за жывитом». Шоб ны хваталась. Ото ш прышта така була, шо на дитё отражацца оно всэ* (Лабунец Р. Д., 1935 г.р., г. Славянск-на-Кубани). Информант из станицы Черноерковской, напротив, утверждает, что в подобной ситуации необходимо дотронуться до живота: *После огня. Як огонь побачила, ны хватайсь ны за морду, ничёго – за жывит. Ну, дэ шоп ны выдно було. Такэ казалы* (Финько А. Е., 1937 г.р., ст. Черноерковская).

Рассмотрим еще примеры исключающих друг друга вариантов обряда. В станице Черноерковской существовал обычай на проводах в армию дважды выводить призывника из дома: первый раз отец за полотенце выводит сына во двор, затем новобранец снова возвращается в дом. Мать повторно с помощью этого же полотенца выводит сына за ворота и благословляет на добрую службу. Это повторяющееся действие описывает один из информантов: *Выходэ отец из дому. Ны знаю, цэ мини баба наказала, шоб так. Выходэ вин из дому, дед, отут на оцю тирасу и выводэ ш Витю. Я за сэбэ розказую... Вин бэрэ за руку и выводэ ёго. За полотенцэ вин дэржыцца. Это означае то, шо эта дорога будэ ему длына. От цёго полотенця. И возвращае ёго обратно в дом... А потом пыходэ автобус. Так жэ само ужэ я выводю за полотенце ёго* (Слабая Е. Г., 1941 г.р.). Похожий обычай прокомментирован В. В. Ворониным в статье «Проводы казака на службу в кубанской традиции» [4]. Автор отмечает: «В некоторых станицах, уже после благословения, казак возвращался в дом за умышленно оставленной вещью. Хотя в обычной жизни возвращение рассматривается как неблагоприятное для будущих дел явление, то в данном случае считалось, что это поспособствует его возвращению со службы» [Там же].

Информант же из Славянска-на-Кубани, описывая обычай выведения призывника со двора, не упоминает о повторе действия: *За платок выводять. Опять таки как дорога. Так новобранцив, так и жэныцца, но тут мама и папа на полотенцэ, а як на свайби то ш этот сват и сваха за платочок водять. И этих жэ тожэ ш своймы рукамы вывэдэ за калитку, шоп взрнувся, шоп всэ нормально було, шоп всэ благополушно, служыв... Вывэдуть за калитку. Як бэ вроди благословлять* (Лабунец Р. Д., 1935 г.р.). На вопрос о том, известен ли обычай еще раз заводит новобранца в дом и снова выводит за ворота, информант отвечает, что возвращаться – плохая примета: *«Та не. Я чё-то такоого ны помню. Если ужэ пожэзалы. Всэ!.. То ужэ щиталось нывудачей какой-то. Вжэ если идэш, значить!.. Вопцэ ш така прымэта була. Куда собрався йты, вырнувся, значить, ужэ нывудача!»* (Лабунец Р. Д., 1935 г.р.).

Говоря о двойственности в семейной обрядности Кубани нельзя не отметить вариативные формы, появившиеся в ходе развития обряда. О таких изменениях, как правило, говорят сами информанты. Часто новые формы вытесняют более архаичные элементы или вступают с ними в синонимические отношения. Так, описывая строго регламентированный поминальный обед в старой традиции, информант отмечает, что в настоящее время многие обычаи не соблюдаются: *Тэпэр ужэ ш по-новому, по-другому. Тэпэр люды, глян, хочь на свайбу, хоч умрэ, обит готовлять шо: и колбаса, и там и мандарины, ну, чёго тикэ... А раньшэ був убит, поймы: канун, ну, рыс одварыный, сладкый – там нада по тры ложычкы тикэ выйисты – канун, пиришки оны гарячы – с чим там, с картошкою, с сыром, вы тэпэр кажэтэ творох, гарячэ такэ – и борц. До пиришкив, до кануна никада ны давалы воткы. Борц йидять. Раньшэ нэ пылы – помэналы. А тэпэр жэ пьють. До борыца нада дать по рюмки воткы. Бильшэ нэ дають. На похорони бильшэ нэ дають трэх рюмочок* (Березина А. Г., 1924 г.р., ст. Черноерковская).

Временная вариативность отмечена на уровне обрядовой терминологии. В современной традиции архаичное название свадебного чина *боя'рын* оказалось вытесненным лексемой *дружо'к*, что неоднократно отмечают информанты: *Мы называйим тэпэр дружо'к, а тоди боя'рын був, а у нейи старша дружка* (Панасенко А. И., 1924 г.р.); *Дружок, старший боярын вин назывався, и старша дружка* (ст. Петровская) [9, с. 56].

Таким образом, наблюдения за территориальной и временной вариативностью в структуре и терминологии семейной обрядности Кубани могут стать важным источником сведений об ее лингвокультурной

специфике. Сопоставление локальных вариантов обряда позволяет выявить исходную основу обрядовых традиций, определить их взаимоотношения, например, синонимичность и взаимозаменяемость, а также увидеть проявление и других особенностей традиций вторичного образования, таких, как унификация, усечение, контаминация, появление новообразований на всех уровнях обрядового текста.

Список литературы

1. **Апостолов Л. Я.** Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип-я К. П. Козловского, А. С. Федорова, 1897. Вып. 23. С. 1-306.
2. **Большой толковый словарь донского казачества:** ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф общ. и сравнит. языкознания. М.: ООО «Русские словари»; ООО «Изд. Астрель»; ООО «Изд. АСТ», 2003. 608 с.
3. **Бондарь Н. И.** Традиционная культура кубанского казачества (избранные работы). Краснодар: Изд-во Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1999. 148 с.
4. **Воронин В. В.** Проводы казака на службу в кубанской традиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/culture/rites-life-cycle/detail.php?ID=5301> (дата обращения: 05.03.2014).
5. **Гринченко Б. Д.** Словарь украинского языка: в 4-х т. Киев: Киевская Старина, 1907. Т. I. 494 с.; 1908. Т. II. 573 с.
6. **Маркевич Н.** Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1860. 174 с.
7. **Словарь русских народных говоров.** Л.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с.
8. **Сумцов Н. Ф.** О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И. В. Попова, 1881. 210 с.
9. **Трегубова Е. Н.** Материалы этнолингвистического словаря: Свадебный обряд Кубани. Учебная версия. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2007. 214 с.
10. **Финько О. С.** О семантике полотенца в кубанской семейной обрядности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 195-198.

VARIABILITY IN STRUCTURE AND TERMINOLOGY OF KUBAN FAMILY RITES

Fin'ko Ol'ga Sergeevna, Ph. D. in Philology
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban
kucherenko07@yandex.ru

The traditional culture of Kuban was formed on the basis of the East Ukrainian and the Southern Russian traditions, and it has become one of the conditions for the emergence of duality at all levels of spiritual and material culture of the region. The article is devoted to the study of examples of territorial and temporal variability in the structure and terminology of family rites in Kuban, which can be an important source of information about its cultural and linguistic features.

Key words and phrases: ethno-linguistics; variability; culture of secondary education; family rites; ritual text.

УДК 81-25

Филологические науки

В данной статье описана способность к самопрезентации в виртуальном коммуникативном пространстве русско- и англоговорящих носителей языка. Воплощение самопрезентации на сайтах знакомств, по мнению авторов, осуществляется через использование типичных коммуникативных стратегий и тактик. В ходе анализа материала удалось выявить универсальные, характерные для обоих языков коммуникативные стратегии, а также совпадения и расхождения в выборе тактических приемов при воплощении определенной стратегии.

Ключевые слова и фразы: самопрезентация; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; интернет-коммуникация; сайт знакомств.

Чистякова Галина Викторовна, к. филол. н., доцент

Бондарева Евгения Петровна, к. филол. н., доцент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
galvik06@mail.ru; bondarevaep@list.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В САМОПРЕЗЕНТАЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ САЙТОВ ЗНАКОМСТВ)[©]

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания выдвигает на передний план изучение языковой личности в ее способности к самопрезентации. Интерес к подробному изучению самопрезентаций, к обязательным требованиям и возможным творческим решениям при создании подобного рода текстов, к прогнозированию реакции со стороны аудитории зародился в США, где данное понятие звучит